

На правах рукописи

Андрейчева Марианна Юрьевна

ОБРАЗЫ ИНОВЕРЦЕВ В ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ

Раздел 07.00.00 – Исторические науки

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Москва

2017

Работа выполнена на кафедре истории Церкви исторического факультета Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель:

Кузенков Павел Владимирович,
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Церкви и кафедры истории средних веков исторического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова».

Официальные оппоненты:

Гимон Тимофей Валентинович,
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра «Восточная Европа в Античном и Средневековом мире» ФГБУН «Институт всеобщей истории Российской академии наук».

Виноградов Андрей Юрьевич,
кандидат исторических наук, доцент Школы исторических наук, старший научный сотрудник Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований факультета гуманитарных наук ФГАОУ ВПО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Ведущая организация:

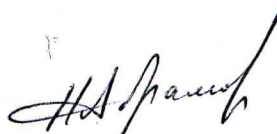
ФГБУН «Институт российской истории Российской академии наук» (Центр по истории Древней Руси)

Защита состоится «___» _____ 2017 г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.72 на базе Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, исторический факультет МГУ, ауд. А-419.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке МГУ имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, Ломоносовский проспект, д. 27, а также на официальном сайте исторического факультета:
<http://www.hist.msu.ru/Science/Disser/Andreycheva.htm>

Автореферат разослан «___» _____ 2017 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
кандидат исторических наук, доцент

Н.Г. Абрамова

Общая характеристика работы

Актуальность исследования. Проблемы современности, возникающие при межрелигиозных контактах, коренятся главным образом в особенностях взаимовосприятия религиозных сообществ. То, как религиозная группа представляет себя и иные вероучения, является важнейшей составляющей ее религиозного мировоззрения. В свою очередь, характерными чертами последнего являются консерватизм и опора на традицию, что показывает перспективность исследования взаимовосприятий религиозных сообществ в исторической ретроспективе. Наиболее актуальным здесь представляется изучение религиозных гетеро- и аутообразов в определенный период или в отдельных источниках, которое позволяет вскрыть механизмы формирования тех или иных представлений религиозных групп друг о друге. Изыскания на данную тему входят в компетенцию религиозной имагологии – направления, изучающего содержание и средства выражения образов иноверцев/иноверия в той или иной религиозной культуре. Данная диссертационная работа представляет собой исследование в русле указанного направления.

С точки зрения религиозно-имагологической проблематики, особую ценность представляют образы, отразившиеся в Повести временных лет – первом древнерусском сочинении о начальных веках истории Руси, созданном спустя столетие после ее крещения. Создававшаяся несколькими поколениями монахов, Повесть временных лет отобразила религиозное своеобразие древнейшей литературы на Руси.

Уникальный характер указанного памятника, связанный со временем, местом и коллективным авторством его создания, обусловил актуальность исследования Повести по проблеме образов иноверцев и иноверия, поскольку ее материал позволяет воссоздать бытовавшие в среде древнерусских книжников представления об иноверцах и выявить в них как типичные черты, присущие греко-православной общности, так и оригинальные, проистекавшие из своеобразия этнорелигиозной самоидентификации авторов летописи.

В Повести временных лет мы находим отображения следующих иноверий: славянского и тюркского язычества, ислама, католицизма и иудаизма. Поскольку у составителей летописи не было намерения прямо описать на ее страницах свое отношение к иноверцам и иноверию, то необходимые сведения мы будем черпать из ряда сюжетов, наиболее репрезентативно представляющих точку зрения летописцев на исследуемую тему. К ним мы отнесли: «этнографическое» описание восточных славян и половцев из недатированной части Повести, рассказ об облике идола Перуна, установленного киевским князем Владимиром, и фрагмент с «изгнанием» Перуна – как сюжеты, наиболее содержательно показывающие восприятие язычества авторами летописи. Для анализа образов ислама, католицизма и иудаизма были выбраны летописные фрагменты, повествующие о контактах русских с представителями этих вероучений: рассказ о походе князя Владимира Святославича на волжских болгар и Сказание об испытании вер. Отдельно будет рассмотрен сюжет статьи 6604 г., в которой автор Повести размышляет о судьбе мусульман и тюркских племен в контексте актуальных на тот момент эсхатологических ожиданий.

Объектом настоящего **исследования** стали летописные своды, представляющие ранние списки Повести временных лет: Лаврентьевская, Радзивилловская, Ипатьевская летописи, Новгородская I летопись младшего извода, сохранившие основные редакции памятника, а также некоторые другие летописи (Новгородская 4-я и Софийская 1-я), в составе которых содержатся следы раннего летописания.

Предметом **исследования** явилась семантика сведений Повести о славянских и тюркских язычниках, мусульманах, католиках, иудеях: их вероучении и культуре. Древнерусским книжникам свойственно было оценивать этнические факторы того или иного этноса сквозь призму его вероисповедной принадлежности. По этой причине в сфере нашего анализа оказались нравы, обычаи и даже внешний облик иноверцев, как этнические признаки, оценивавшиеся летописцем с позиции религиозного мировосприятия.

Цель предпринятого **исследования** состояла в реконструкции представлений древнерусских летописцев об иноверцах: язычниках (преимущественно славянских и в отдельных случаях – тюркских), мусульманах, католиках и иудеях, – и, как следствие, воссоздании формируемого через их восприятие этнорелигиозного аутообраза.

В соответствии с поставленной целью, исследование делится на несколько этапов, которым соответствуют следующие исследовательские задачи:

1. Установить и интерпретировать тексты Повести и ее источников, содержащих оценочные характеристики *восточнославянских и тюркских язычников*.

1.1. Осуществить поиск прямых и косвенных источников летописных представлений об указанных язычниках;

1.2. Выявить литературные и риторические приемы, примененные летописцем при создании образов язычества;

1.3 Реконструировать основные детали отображения язычников и интерпретация их семантики в контексте Повести, ее источников и историко-культурных и религиозных представлений эпохи;

1.4. Воссоздать образы древнерусской этнорелигиозной самоидентификации в их корреляции с гетерообразами восточнославянского и тюркского язычеств и интерпретация обозначенных в них смыслов.

2. Установить и интерпретировать тексты Повести и ее источников, содержащих оценочные характеристики *мусульман, католиков и иудеев*.

2.1. Осуществить поиск прямых и косвенных источников летописных представлений о мусульманах, католиках и иудеях;

2.2. Выявить литературные и риторические приемы, примененные летописцем при отображении ислама, католицизма и иудаизма;

2.3. Реконструировать основные детали образов мусульман, католиков и иудеев и интерпретация их семантики в контексте Повести, ее источников и историко-культурных и религиозных представлений эпохи;

2.4. Воссоздать образы древнерусской этнорелигиозной самоидентификации в их корреляции с гетерообразами ислама, католицизма и иудаизма и интерпретация обозначенных в них смыслов.

В качестве **методологической основы** в работе применялись универсальный метод комплексного источниковедческого анализа, текстологический метод анализа списков Повести временных лет и ее источников. В качестве основного метода интерпретации образов иноверия/иноверцев применялся герменевтический анализ текста.

Источниковая база исследования. В диссертации исследован текст Повести временных лет по спискам Лаврентьевской (XIV в.), Ипатьевской (XV в.), Радзивилловской (XV в.), Московско-академической (XV в.) летописей, Новгородской летописи младшего извода (XV в.), Новгородской 4-ой и Софийской 1-ой летописей, Летописца Переяславля Суздальского (XVI в.), а также Никоновской (XVI в.) и Воскресенской (XVI в.) летописей. По мнению исследователей, Повесть создавалась в период со второй половины XI в. по 10-е гг. XII в. Соответственно, анализ образов иноверцев, основанный на исследовании списков памятника, отобразит мировоззрение древнерусских книжников, сложившееся к началу XII в.

При анализе содержания Повести временных лет привлекались ее прямые и косвенные источники. К первым относятся книги Священного писания (Ветхого и Нового Заветов) – пожалуй, один из самых цитируемых летописных источников, на историософскую и богословскую традицию которого опирались создатели Повести. Привлечение представленных в библейских текстах описаний иудейского народа и его язычествующих соседей играет большое значение для понимания летописных ауто- и гетерообразов.

Схожую роль выполнял еще один непосредственный источник Повести – византийская *Хроника Георгия Амартола*¹ (IX в.), появившаяся на Руси в XI в. Для нашей работы значимо, что составитель Повести временных лет неоднократно привлекал Хронику, заимствуя из нее сведения, так или иначе касавшиеся дохристианской истории славян, а также сообщения о мусульманском вероучении. В этой связи есть основания думать, что представления об иноверии/иноверцах, отразившиеся в Хронике, могли оказать существенное влияние на аналогичные воззрения летописцев.

Еще один источник, в котором зафиксированы многочисленные пересечения с Повестью временных лет, – Палея Толковая (XI в.). К сожалению, вопрос о том, какой из двух памятников был создан ранее, до сих пор не решен, что не мешает довольно эффективно привлекать текст Палеи для проверки летописных данных. Особо ценными для нашего исследования являются палейные сообщения об иудаизме и исламе, которые также помогают прояснить точку зрения летописца на указанные религиозные учения.

Одним из немногих сочинений, на которые летописец прямо ссылался в Повести, являлось «Откровение» Мефодия Патарского (VII в.). Картина «кончины времен», обрисованная в нем, позволила создателю летописи истолковать будущность тюркских язычников, а также болгарских и хвалисских мусульман, что в свою очередь дает нам возможность раскрыть эсхатологическую грань восприятия древнерусскими книжниками иноверствующих соседей Руси.

Помимо вышеприведенных источников в исследовании мы привлекали различного вида памятники древнерусской литературы, содержавшие близкие к летописи идеи и образы: агиографические сочинения – «Память и похвала князю русскому Владимиру» Иакова Мниха (XI в.), Жития св. князя

¹ Курсивом отмечены источники, которые в данном исследовании привлекались как в славянском переводе, так и в греческом оригинале.

Владимира и св. муч. Бориса и Глеба; антилатинские сочинения – «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского (XI в.), «Стязание с Латиною» митрополита киевского Георгия (XI в.), Послание митрополита «Рускаго» Иоанна папе Римскому Клименту III (XI в.), Послание Никифора митрополита киевского к князю Владимиру Мономаху (нач. XII в.); дидактические (учительные) произведения – «Слово о Законе и Благодати» митр. Илариона Киевского, «Вопрошание Кирика» (XII в.), «Моление Даниила Заточника» (кон. XII – нач. XIII вв.); «Беседа трех святителей» (XII-XIII вв.), «Слово св. отца Кирилла архиеп. Кипринского о злых дусех» (XIII в.); юридический сборник Мерило Праведное (кон. XIII – нач. XIV в.) и паломническое сочинение Хождение во Святую землю игумена Даниила (нач. XII в.).

В работе также использовались переводные и оригинальные византийские сочинения: памятники исторической прозы – *Александрия хронографическая* (роман Псевдо-Калисфена (IV в.), переведенный на древнерусский в XI в.), «*О народах Индии и брахманах*» Палладия Еленопольского (кон. IV – нач. V вв.); агиографические сочинения – «*Житие свят. Иоанна Златоуста*» Георгия Александрийского (VII в.), Житие св. Климента Римского (сер. IV – кон. V в.), «*Деяния св. апостолов Андрея и Матфея*» (IV в.), «*Житие св. апостола Андрея*» монаха Епифания (IX в.), Житие херсонесских святых (VII в.), Житие свят. Стефана Сурожского (кон. X в.); богословско-полемические сочинения – «*Восемь Слов против иудеев*» и «*Беседы на псалмы*» свят. Иоанна Златоуста (IV в.), «*Против ересей*» еп. Феодорита Кирского (V в.), «*Диалоги*» Псевдо-Кесария (VI в.), «*Источник знаний*» и «*О ста ересях*» Иоанна Дамаскина (VIII в.), сочинение Варфоломея Эдесского «*Обличение агарянина*» (IX в.), «*Против латинян*» Никиты Стифата (XI в.), «*Окружное послание*» патр. Фотия Константинопольского (IX в.), «*Сказание о двенадцати апостолах, о латине и о опресноцех*» (XI-XII вв.), «*О фрязах и латинех*» (втор. пол. XI в.), «*Письмо своей Церкви*» святителя Григория Паламы (кон. XIII – пер. пол. XIV вв.),

«Против язычников, или мухаммедан» Симеона Фессалоникийского (кон. XIV – пер. пол. XV вв.), «Слово святого Григорья изобретено в толецах...» (список XIV в.); эсхатологические трактаты – «Сказание о Христе и антихристе» Ипполита Римского (III в.), «Слово на пришествие Господне» св. Ефрема Сирина (IV в.); литургическое толкование «Церковное сказание» патр. Германа Константинопольского (VIII в.), а также «Чин пострижения в монашество» (список XIII в.) и канонический сборник Мазуринская Кормчая (список XIV в.).

В исследовании были также задействованы некоторые арабские источники: Коран и сборник хадисов «Мухтасар Сахих» Аль-Бухари (IX в.).

Степень изученности проблемы. Восприятие иноверия и иноверцев в Древней Руси до сих пор остается малоисследованной областью. Работы, комплексно раскрывающие тему образов иноверия/иноверцев в Повести временных лет, отсутствуют. Поэтому здесь мы отметим труды, которые в определенной мере претендовали на обобщающий анализ отображения в Начальной летописи тех или иных иноверцев. Так, образы мусульман в Повести временных лет были исследованы в работах И.Л. Измайлова², И.Г. Коноваловой³, Е.М. Верещагина⁴. Отображение католиков было проанализировано в трудах А.С. Демина⁵, Д.А. Добровольского⁶. Восприятие иудеев и иудаизма создателями Повести было рассмотрено Л.С. Чекиным⁷,

² Измайлов И.Л. «Безбожные агаряне»: Волжская Булгария и Булгары глазами русских (X–XIII вв.) // Восточная Европа в древности и средневековье. XI Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 1999. С. 69-75.

³ Коновалова И.Г. Древняя Русь и Волжская Булгария: торговля и политика в восприятии древнерусских летописцев // Там же. С. 75-81.

⁴ Верещагин Е.М. Образ волжских болгар «вѣры бохмичѣ» в древнерусской книжности // Славяне и их соседи: Этно-психологический стереотип в Средние века. М., 1990. С. 25-26.

⁵ Демин А.С. «Повесть временных лет» // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. М., 1996. С. 100-156.

⁶ Добровольский Д.А. «И до Рима проиде»: Отношение к Западной Европе в летописании XI – начала XII в. // Проблемы исторической географии и демографии России. Вып. II. М., 2013. С. 126-137.

⁷ Чекин Л.С. К анализу упоминаний о евреях в древнерусской литературе XI–XIII веков // Славяноведение. № 3 (май). М., 1994. С. 34-42.

М.В. Дмитриевым⁸, А. Пересветовым-Мурат⁹. Необходимо также упомянуть работы Д.А. Добровольского¹⁰, И.В. Ведюшкиной¹¹, А.В. Лаушкина¹², посвященные вопросу древнерусской самоидентификации, поскольку в них были сделаны значимые выводы касательно отраженного в Повести временных лет восприятия тюркского и славянского язычества.

При рассмотрении того или иного летописного фрагмента мы обращались к его историографической традиции. Так, при анализе текстов Повести, отразивших образы восточнославянского и тюркского язычества, нами использовались работы Е.В. Аничкова, Н.М. Гальковского, А.Н. Афанасьева, В.Й. Мансикка, Г. Ловмянского, Б.А. Рыбакова, И. Чековой, В.В. Иванова, В.Н. Топорова, В.Я. Петрухина, А.С. Демина, И.Н. Данилевского, И.Я. Фроянова, В.В. Милькова, А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.А. Васильева, Л.С. Клейна, П.В. Лукина, И.В. Гарькавого, Л.С. Чекина, Д.А. Добровольского, А.В. Лаушкина и других¹³.

⁸ Дмитриев М.В. Антииудаизм и антисемитизм в православных культурах Средних веков и раннего Нового времени (обзор исследований) // Евреи и христиане в православных обществах Восточной Европы. М., 2011. С. 10-46.

⁹ Пересветов-Мурат А. Христианский антииудаизм и иудейско-православные отношения в Восточной Славии в Средние века и раннее Новое время (до 1570 г.) // История еврейского народа в России. / Под общ. ред. И. Барталя. Т. 1. От древности до раннего нового времени. / Под ред. А. Кулика. Иерусалим; М., 2010. С. 418-452.

¹⁰ Добровольский Д.А. «Якоже и прародители нашы погынуша»: к вопросу об этническом самосознании древнерусских летописцев XI – нач. XII в. // Вестник РГГУ. № 7. М., 2010. С. 83-95.

¹¹ Ведюшкина И.В. Формы проявления коллективной идентичности Повести временных лет // Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени. М., 2003. С. 286-310 и др.

¹² Лаушкин А.В. К вопросу о развитии этнического самосознания древнерусской народности («хрестяени» и «хрестьяньский» в памятниках летописания XI–XIII вв.) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6. С. 36 и др.

¹³ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. М., 2003; Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: В 2 т. М., 2000; Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов. Т. 2. М., 1868; Мансикка В.Й. Религия восточных славян. М., 2005; Ловмянский Г. Религия славян и ее упадок (VI-XII вв.). СПб., 2003; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. М., 1994 и др.; Иванов В.В., Топоров В.Н. Исследования в области славянских древностей: Лексические и фразеологические вопросы реконструкции текстов. М., 1974; Чекова И. Фолклорно-эпические парадигмы в повествовании за князь Олег и основаването на Киевска Рус в староруските летописи // Годишник на Софийския университет «Св. Климент

В изучении летописных фрагментов с описаниями мусульман, католиков и иудеев мы опирались на исследования А.А. Шахматова, В.М. Истрина, И.А. Линниченко, Е.Е. Голубинского, О.М. Рапова, В.В. Мавродина, П.В. Голубовского, А.Х. Халикова, С.П. Толстова, Б.Д. Грекова, А.В. Карташева, Д.Ю. Арапова, А.Ф. Литвиной, Ф.Б. Успенского, Г.С. Баранковой, А.Ю. Карпова, А. Попова, А.С. Павлова, В.М. Кириллина, игумена Тихона (Полянского), Н.В. Понырко, Д.С. Лихачева, А.А. Шайкина, Ш.Д. Гойтейна и других¹⁴.

Охридски». Факултет по славянска филология. Литературознание. София, 1994. Т. 87. Кн. 2. С. 59-129; Петрухин В.Я. «Проводы Перуна»: древнерусский «фольклор» и византийская традиция // Язык культуры: семантика и грамматика. М., 2004. С. 248-255 и др.; Демин А.С. «Языци»: неславянские народы в русской литературе XI-XVIII вв. // Древнерусская литература: Изображение общества. М., 1991. С. 190-204 и др.; Данилевский И.Н. Повесть временных лет. Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004 и др.; Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., Кривошеев Ю.В. Введение христианства на Руси и языческие традиции // Советская этнография. № 6. М., 1988. С. 25-34; Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1998; Клейн Л.С. Воскрешение Перуна: К реконструкции восточнославянского язычества. СПб., 2004; Лукин П.В. Языческий «пантеон» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции? // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXII. М., 2010. С. 173-177 и др.; Гарькавый И.В. «Измаильтяне» или «нечистые человеки»? Некоторые наблюдения над семантикой русских летописей // Историческая антропология: Место в системе социальных наук, источники и методы интерпретации. М., 1998. С. 87-89; Чекин Л.С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. М., 2000. С. 691-716; Добровольский Д.А. Восприятие половцев в летописании XI-XIII вв. // Диалог со временем. Вып. 39. М., 2012. С. 286-294; Лаушкин А.В. Наследники праотца Измаила и библейская мозаика в летописных известиях о половцах // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013: Декабрь. № 4 (54). С. 76-86; Он же. Провиденциальная концепция взаимоотношений Руси и степи в древнерусском летописании XI-XIII вв. // Славяне и их соседи: Славяне и кочевой мир. Средние века – ранее Новое время. М., 1998. С. 75-78.

¹⁴ Шахматов А.А. Корсунская легенда о крещении Владимира // Сб. ст. в честь В.И. Ламанского. Т. II. СПб., 1908. С. 1029-1153 и др.; Истрин В.М. Замечания о начале русского летописания: по поводу исследований А.А. Шахматова // Известия отделения русского языка и словесности. Т. XXVI. Пг., 1923 и др.; Линниченко И.А. Современное состояние вопроса об обстоятельствах крещения Руси // Труды Киевской духовной академии. Т. XII. 1886. С. 587-606; Голубинский Е.Е. История русской церкви. Т. I. Ч. 1. М., 1901; Рапов О.М. Русская церковь в IX - первой трети XII в. Принятие христианства. М., 1988; Мавродин В.В. Древняя Русь. М., 1946; Голубовский П.В. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар: История южно-русских степей IX-XIII вв. Киев, 1884; Халиков А.Х. Волжская Булгария и Русь (этапы политических и экономических связей в X-XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь. Казань, 1986. С. 3-36; Толстов С.П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948; Греков Б.Д. Киевская Русь. М., 1953; Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. I. Париж, 1959; Арапов Д.Ю. Мусульманская молитва в «Повести временных

Анализ текстологии исследуемых фрагментов Повести временных лет базировался на трудах А.А. Шахматова, В.М. Истрина, М.Д. Приселкова, Д.С. Лихачева, А.Н. Насонова, Л.В. Черепнина, М.Н. Тихомирова, Н.К. Никольского, А.Г. Кузьмина, Я.С. Лурье, М.Х. Алешковского, Д.А. Баловнева, С.А. Бугославского, В.Я. Петрухина, А.А. Гиппиуса, С.М. Михеева, А. Поппэ, Т.Л. Вилкул, В.Н. Русинова, А. Тимберлейка, Л. Мюллера¹⁵.

лет» // Восточная Европа в древности и средневековье. Устная традиция в письменном тексте: XXII Чтения памяти В.Т. Пашуто. М., 2010. С. 7-9; Он же. Мусульманский рай в описании «Повести временных лет» // Славяне и их соседи. Сб. тез. XIX конф. памяти В.Д. Королюка. М., 2000. С. 15-18; Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Князь Святослав и царь Иезекия (к интерпретации статей «Повести временных лет» под 1075 и 1076 г.) // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32). С. 6-12; Баранкова Г.С. Текстологические и языковые особенности антилатинского апокрифического памятника «Сказание о двенадцати апостолах, о латине и о опресноцех» // Вестник ПСТГУ I: Богословие. Философия. 2009. Вып. 3 (27). С. 67-92; Карпов А.Ю. Владимир Святой. М., 2004; Попов А. Историко-литературный обзор полемических сочинений против латинян (XI–XV вв.). М., 1875; Павлов А.С. Критические опыты по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян. СПб., 1878; Кириллин В.М. «Слово о вере христианской и латинской» Феодосия Печерского // Древнерусская литература. Восприятие Запада в XI–XIV вв. С. 62-66; (Полянский) игумен Тихон. Этические аспекты в антилатинских сочинениях митрополита Никифора // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. Вып. 3 (29). М., 2007. С. 84-85; Поньрко Н.В. Эпистолярное наследие древней Руси XI–XII вв. Исследования, тексты, переводы. СПб., 1992; Лихачев Д.С. Крещение Руси и Государство Русь // Новый мир. № 6. М., 1988. С. 249-258; Шайкин А.А. Реплика иудея в «Повести временных лет» // Труды Отдела древнерусской литературы СПб., 2003. Т. 53. С. 456-458; Гойтейн Ш.Д. Евреи и арабы: Их связи на протяжении веков. М.; Иерусалим, 2001.

¹⁵ Шахматов А.А. Разыскания о русских летописях. М., 2001 и др.; Истрин В.М. Указ. соч.; Приселков М.Д. История русского летописания XI-XV вв. СПб., 1996; Лихачев Д.С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947 и др.; Насонов А.Н. История русского летописания XI- нач. XVIII вв.: Очерки и исследования. М., 1969; Черепнин Л.В. «Повесть временных лет», ее редакции и предшествовавшие ей летописные своды // Исторические записки. Вып. 25. 1948. С. 293-333; Тихомиров М.Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т.1. М., 1962 и др.; Никольский Н.К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода русской письменности и культуры: К вопросу о древнейшем русском летописании. Вып. 1. Л., 1930; Кузьмин А.Г. Начальные этапы древнерусского летописания. М., 1977; Лурье Я.С. О шахматовской методике исследования летописных сводов // Источниковедение отечественной истории. Сб. ст. М., 1976. С. 87-107; Алешковский М.Х. Повесть временных лет. Судьба литературного произведения в Древней Руси. М., 1971 и др.; Баловнев Д.А. Сказание «О первоначальном распространении христианства на Руси». Опыт критического анализа // Церковь в истории России. Сб. 4. М., 2000. С. 5-46; Бугославский С.А. Текстология Древней Руси. Т. 1: Повесть временных лет. М., 2006; Петрухин В.Я. Как начиналась Начальная летопись? // Труды Отдела древнерусской литературы. № 57. СПб., 2006. С. 33-41 и др.; Гиппиус А.А. К реконструкции древнейших этапов истории русского летописания // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012. С. 41-50 и др.; Михеев С.М. Кто писал «Повесть временных лет»? М., 2011; Поппэ А. А.А.

Состояние историографии по исследуемой нами проблеме определило в большой степени **научную новизну** настоящего **исследования**, которая заключается в комплексном изучении представлений древнерусских книжников об иноверцах (язычниках, мусульманах, католиках и иудеях), опирающемся на анализ Повести временных лет, ее прямых и косвенных источников, и других памятников, позволяющих пролить свет на исследуемое нами явление в более широком историко-культурном и религиозном контексте. Впервые в науке дается целостная характеристика отображения иноверия и иноверцев с учетом семантики всех деталей рисуемых в летописи образов (описания вероучения, культа, нравов, обычаев и облика иноверцев).

Практическая значимость работы заключается в расширении наших познаний о различных аспектах восприятия язычников, мусульман, католиков и иудеев, в прояснении особенностей мировоззренческих установок по отношению к иноверию/иноверцам, присущих авторам летописи. Диссертация призвана восполнить пробел в изучении ранней истории Русской православной церкви и, в частности, древнерусского православного мировоззрения. Данная работа содержит новые сведения касательно источниковой базы Повести временных лет, которые могут быть использованы при подготовке критического издания этого памятника.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Положения диссертации апробированы на научном семинаре «Люди и тексты» (ИВИ РАН, октябрь 2006 г. и март 2012 г.), на научном семинаре «Христиане перед лицом Ислама. Византия, Русь, «латинский Запад», X-XVII вв.: структурные различия стратегий

Шахматов и спорные начала русского летописания // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (33). М., 2008. С. 76-85; Вилкул Т.Л. Новгородская первая летопись и Начальный свод // Palaeoslavica. Camb., Mass.. 2003. Vol. XI. P. 5-35 и др.; Русинов В.Н. Летописные статьи 1051-1117 гг. в связи с проблемой авторства и редакций «Повести временных лет» // Вестник Нижегородского университета им И.Н. Лобачевского. Серия История. Нижний Новгород, 2003. Вып. 1 (2). С. 111-147; Timberlake A. Redactions of the Primary Chronicle // Русский язык в научном освещении. № 1. М., 2001. С. 196-218; Мюллер Л. Понять Россию: Историко-культурные исследования. М., 2000.

accommodating cultural difference?» (НИУ ВШЭ, июнь 2012 г.), на научной конференции «Ислам и христианские культуры запада и востока Европы в Средние века и Новое время» (НИУ ВШЭ, МГУ, фонд Марджани, октябрь 2012 г.), на научном семинаре Центра исторической антропологии (ИВИ РАН, октябрь 2012 г.), на научной конференции «Ретроспективная информация источников: образы и реальность» (ИВИ РАН, ноябрь 2012 г.), на научной конференции «Восточная Европа в древности и средневековье: Язычество и монотеизма в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти член-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16-18 апреля 2014 г.» (ИВИ РАН, 17 апреля 2014 г.), на научном семинаре Отдела типологии и сравнительного языкознания (ИнСлав РАН, март 2015 г.), на научной конференции «Христианство, иудаизм, ислам: ритуалы и религиозные практики сквозь призму взаимных представлений» (ИВИ РАН, сентябрь 2015 г.), на научном семинаре Отдела типологии и сравнительного языкознания (ИнСлав РАН, ноябрь 2015 г.), на коллоквиуме «Религиозная нетерпимость и антииудейские дискурсы в христианской культуре Запада и Востока Европы в Средние века» (НИУ ВШЭ, декабрь 2015 г.), на научном семинаре журнала «Древняя Русь: Вопросы медиевистики» (ИРИ РАН, июнь 2016 г.). По теме диссертации опубликовано семь научных работ, одна находится в печати.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, каждая из которых делится на разделы и подразделы, заключения, списка источников и литературы.

Основное содержание работы.

Во введении формулируется актуальность темы исследования, рассматривается степень разработанности проблемы, определяются цели и задачи диссертации, ее методологическая основа, объект и предмет исследования, устанавливается источниковая база.

Первая глава «Образы славянского язычества в Повести временных лет» состоит из трех разделов. В первом разделе «“Этнографическое”

описание восточных славян в космографическом введении Повести временных лет» рассматривался фрагмент Повести, содержащий описание нравов и обычаев, бытовавших некогда у восточнославянских племен (полян, древлян, радимичей, кривичей, северян, вятичей), а также упоминание традиций половцев – современных летописцу соседей Древней Руси. Комплексный анализ летописного отрывка и включенной в него цитаты из Хроники Георгия Амартола с описанием диковинных порядков разных народов показал, что летописец опирался на текст Хроники как на типологический образец, откуда черпал композиционные идеи и прообразы. Поскольку «этнографический» текст Хроники в свою очередь являлся компиляцией, анализ ее источников – «Диалогов» Псевдо-Кесария и «Палладиевой статьи» – позволил нам обнаружить следы влияния указанных памятников на летопись и предположить, что создатель летописи имел с ними непосредственное знакомство. Описания народных нравов и обычаев из указанных источников также были использованы при создании летописного «этнографического обзора» как типологический образец. В ходе сопоставительного анализа фрагментов летописи и указанных источников удалось установить основные цепочки аналогий: положительно оценивавшиеся летописцем поляне сопоставлялись с благонравными «брахманами» (упоминаются в Хронике Георгия Амартола, «Палладиевой статье», «Диалогах» Псевдо-Кесария) и фисонитами-«данувиями» (упомянуты в «Диалогах» Псевдо-Кесария); а отрицательно охарактеризованные в летописи прочие восточнославянские племена и половцы соотносились со «сквернотворящими» индийцами (Хроника Георгия Амартола, «Диалоги» Псевдо-Кесария) и склавинами («Диалоги» Псевдо-Кесария).

Анализ исследуемого фрагмента дает возможность сделать вывод, что с помощью «этнографического» описания летописец обозначил полян как богоизбранное племя, которое, будучи языческим, обладало чертами, позволившими ему в конечном итоге воспринять христианство и стать проводником христианизации остальных восточнославянских племен.

Во втором разделе «**Образ идола Перуна в статье 6488**» предпринята попытка выявить литературно-художественные истоки летописного описания идола Перуна («И Перуна древяна, а главу его сребрену, а оусь злать»)¹⁶, установленного князем Владимиром Святославичем. В южнославянском переводе Александрии Хронографической встречается указание на то, что Александр Македонский был «сын божий, Пороуна велика»¹⁷, тогда как помимо этого упоминания везде в тексте македонский царь именуется сыном Аммона-Зевса. Данная отсылка представляется неслучайной. Анализ описаний Аммона-Зевса, присутствующих в славянском переводе и греческом оригинале Александрии, показал, что устойчивым набором атрибутов этого божества являлись: золотой волосяной покров на голове и лице (в случае изображения Аммона «среднего летами») и седые волосы и золотая растительность на лице (при описании Аммона преклонных лет), скипетр, а также наличие золотых рогов. В данном перечне обнаружили черты, роднящие отображение Аммона-Зевса (второго типа) с описанием его славянского аналога – Перуна. Это позволило высказать доводы о влиянии образа Аммона-Зевса Александрии на описание летописного Перуна, которое выразилось в том, что серебряная голова киевского кумира придавала ему вид седоволосого старца, а золото усов являло собой неперемный атрибут громовержца – по аналогии с греческим описанием Аммона-Зевса. Как свидетельствуют письменные и визуальные источники, для русских князей X - пер. пол. XI вв. было характерно ношение усов, а не бороды, а, следовательно, летописное описание Перуна могло подразумевать его внешнее сходство с самим князем Владимиром. Таким образом, установка идола Перуна с внешними признаками Аммона-Зевса (серебряная/«седая» голова и золотая борода), а заодно и с характерной внешней чертой великого князя (усы) могла рассматриваться как

¹⁶ Лаврентьевская летопись (Полное собрание русских летописей). Т.1. М., 2001. Стб. 79.

¹⁷ Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. Приложения. М., 1893. С. 114. В греческом оригинале текста в этом месте стоит «сын Диоса великого»: Истрин В.М. Александрия русских хронографов: Исследование и текст. Исследование. С. 222.

попытка обожествления самого князя через отождествление его с Перуном. С другой стороны, в соотношении Перуна с Аммоном-Зевсом мог скрываться намек на параллель Владимир – Александр Македонский, которая, по всей видимости, могла указывать на последующий приход киевского князя к истинному богопознанию: согласно Александрии и Хронике Георгия Амартола, Александр, будучи язычником, во время посещения Иерусалима преклонился перед богом евреев Яхве и признал его главенство.

Третий раздел «Образ изгнания Перуна в статье 6496» посвящен изучению летописного сюжета, в котором описывается ниспровержение идола Перуна. В разделе рассматриваются впервые обнаруженные текстовые и семантические пересечения Повести временных лет и Жития свят. Стефана Сурожского, встречающиеся во фрагменте с изгнанием Перуна и на всем участке летописи, начиная с Корсунского похода и заканчивая утверждением христианства в Киеве. В этой связи решается вопрос о характере взаимоотношений летописи и Жития: какой из текстов послужил источником для другого, какие методы работы были использованы при заимствовании и, наконец, с какой целью оно осуществилось. В ходе текстологического анализа обнаруженных параллелей, были приведены доводы о том, что текст летописи вторичен по отношению к Житию. По всей видимости, летописец опирался на греческий оригинал жизнеописания свят. Стефана Сурожского. Вставки из него использовались в Повести при создании ряда образов: в описании изгнания Перуна – подробности мучения святителя Стефана от рук иконоборцев; в рассказе о крещении Киевлян – история о том, как император Лев принуждал византийцев отвергнуть иконы; в изображении миссионерской деятельности князя Владимира – сведения о миссии свят. Стефана среди херсонитов.

Обнаруженное в летописи заимствование из житийного описания мучения свят. Стефана Сурожского указало на гетерогенность отрывка с изгнанием Перуна. На следующем этапе исследования была осуществлена попытка определить источник, на который ориентировался летописец при

описании прочих этапов «казни» идола: плача киевлян по Перуну и сбрасывания его в Днепр. Семантическая параллель исследуемым эпизодам была нами обнаружена в описании корсунской казни свят. Климента Римского, отображенной в его Житии («Мучение св. Климента Римского»). Помимо этого, было установлено, что отголоски указанного памятника присутствовали в летописи не только в эпизоде изгнания Перуна, но и в описании некоторых подробностей крещения князя Владимира в Корсуни. Таким образом, «Мучение» могло оказать влияние на целый ряд летописных сюжетов. Согласно Повести, князь Владимир избавился от Перуна сразу после того, как ввез мощи св. Климента в Киев. Так осуществилась замена псевдосвятыни подлинной святыней. Летописное упоминание о сбрасывании Перуна в Днепр и оплакивании его киевлянами, очевидно, призваны были напомнить о казни, которой некогда подвергся новый покровитель города Киева и христианской Руси – святой Климент Римский.

В летописи сообщается, что путь Перуна завершился за днепровскими порогами у некой «рѣни», которая была названа в честь прибывшего к ней идола – «Перуньей». Привлечение историко-этимологических данных географической лексики позволило прояснить семантику слова «рѣнь» и сделать выводы о том, что его первичные истолкования «отмель», «песчаный или галичный нанос», «коса». Песчаная или каменистая отмель (т.е. окруженный водой участок суши), к которой прибило Перуна, в народной памяти могла преобразоваться в остров. Такого рода представление, по-видимому, отразилось в поздней легенде о Перуньем острове, сохранившейся в украинских народных преданиях. В финале изгнания идола нами были обнаружены общие черты с историей кончины еп. Еферия, описанной в Житии херсонесских святых. Анализ агиографических данных о свят. Еферии и летописного свидетельства об острове его имени в устье Днепра позволил нам выдвинуть гипотезу о том, что концовку исследуемого фрагмента летописец

изобразил, ориентируясь на сведения об этом епископе из Жития херсонесских святых.

Таким образом, сопоставление летописи и указанных агиографических памятников дает нам возможность проследить прямое влияние на сюжет с изгнанием Перуна Жития свят. Стефана Сурожского и косвенное влияние житий св. Климента Римского и херсонесских епископов.

С точки зрения сочинителя летописи, изгнание Перуна являлось актом глубоко символичным, поскольку в лице идола подвергался поруганию демон, который некогда руками язычников мученически казнил крымских святых. Каждое из проделываемых над Перуном действий должно было одновременно напоминать об известных агиографических прообразах и знаменовать наступившее торжество христианства над язычеством и стоящей за ним нечистой силой.

Вторая глава «Образы мусульман, католиков и иудеев в Повести временных лет» состоит из трех разделов. **Первый раздел «Религиозная семантика образа волжских болгар в статье 6493»** посвящен семантике летописных известий статьи 6593, повествующих о столкновении князя Владимира Святославича с волжскими болгарами. В летописи сообщалось, что киевский князь, взял верх над болгарами, но, увидев побежденных, решил не брать с них дань, обосновав это тем, что они «суть вси в сапозех», он же ищет «лапотниковъ». Приблизиться к пониманию символического значения антитезы «лапотники» – «носящие сапоги» помогают Моление Даниила Заточника и тексты Нового завета, в которых встречалось противопоставление простой, каждодневной обуви (в первом случае – «лычениц», во втором – «сандалий») обуви кожаной («сапоги»), предназначенной для дальних переходов. Контекст сведений этих источников позволил нам сделать вывод, что в Повести речь шла о своеобразном определении антитезы «свой – чужой». «Лапотники» – «свои», то есть те, кого Русь включала в сферу своего влияния. К ним, вероятно, относились те племена, которые уже были покорены Владимиром: радимичи, вятичи и т.д. С другой стороны, «сапоги»

(или «плесницы», «калиги») в христианской монашеской традиции воспринимались как важная деталь монашеского одеяния, которая согласно «Чину пострижения в монашество» обозначала готовность благовествовать миру, нести ему проповедь о спасении. В данном случае летописный контекст исследуемой статьи оправдывает сопоставление символики монашеских «плесниц» и значения болгарских «сапог», поскольку следующим событием летописи являлся приход волжских болгар «веры Бохмич» как вестников своей веры к Владимиру. Мусульманским миссионерам выпала многозначительная роль – положить начало так называемому «испытанию вер». Поэтому их появление могло представляться летописцу особым изъятием воли Божией к языческой Руси. Впрочем, сапоги – это не единственная деталь одеяния болгар, отмеченная летописцем по ходу повествования. Далее в летописи он еще раз возвращается к теме болгарской одежды в рассказе послов князя Владимира о мусульманской службе, согласно которому мусульмане молятся в мечети *«стояще бес пояса»*. Проведенный нами анализ семантики пояса, представленной в новозаветных текстах, в «Чине пострижения в монашество», Толковой Палее, «Мериле Праведном», показал, что ношение пояса для христианина имело чрезвычайно важное значение, и, прежде всего, символизировало твердое стояние в истине на службе Богу.

Таким образом, сапоги на ногах болгар и отсутствие пояса на них во время молитвы могли восприниматься как явления одного порядка, расшифровываемые, исходя из тех символических «прочтений» деталей одежды христианина, которые были распространены в интеллектуальной монашеской среде. Автор-составитель рассматриваемых нами текстов летописи, мог иметь в виду, что болгаре, хотя и пришли благовестить свою веру (это символизировали «сапоги»), но истины в ней нет и сила Божия не с ними (об этом говорило отсутствие пояса на мусульманах).

В первой части **второго раздела «Образы мусульман, католиков и иудеев в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром»** рассматривается описание исламского вероучения, представленного в трех

группах известий: то, что волжские болгары говорят Владимиру о своей вере, сообщение греческого Философа о мусульманах и рассказ послов Владимира об исламском богослужении. Как показало исследование источников летописных описаний ислама, сообщая об исламском единобожии, обрезании, пищевых запретах и учении о посмертном воздаянии, создатель Повести опирался на сведения Хроники Георгия Амартола, а оценка мусульман в летописной Речи Философа восходила к данным Толковой Палеи (либо к ней самой, либо к некоему общему с летописью источнику). К устной традиции фантастического характера, по-видимому, относились сведения о вкушении мусульманами мужского семени и частично известия о мусульманском рае. Присутствует в летописном тексте и отрывок, в котором можно увидеть отражение личных или опосредованных наблюдений летописца: описание мусульманской молитвы «в ропате».

Анализ летописных сообщений и их источников позволил сделать вывод, что древнерусский автор, как и его византийские предшественники, акцентировал внимание на связи ислама с иудаизмом и язычеством, но языческие черты представлял преобладающими. Тем не менее, в исламскую проповедь он включил ряд сведений из Священного писания (о единобожии и некоторых элементах иудейских законов), которым в тексте могла придаваться положительная функция своеобразной подготовки Владимира к последующему адекватному, с точки зрения летописца, восприятию проповеди других миссионеров: «латинян», «жидов» хазарских и, в конечном счете, православных греков.

Вторая часть раздела посвящена семантике образа католиков, который в рассказе о выборе веры также представлен трехчастно: свидетельства «латинян» о своей вере перед князем Владимиром, их характеристика в речи Философа и описание латинской службы в рассказе русских послов. Изучение источников первого фрагмента помогло впервые установить, что на характер диалога послов «из Немец» и князя Владимира сказалось влияние рассказа об ассирийском посольстве к израильскому царю Езекии (4 Цар. 18-19; Ис. 36-37).

Тогда как содержание проповеди папских миссионеров и упоминаемые Философом и княжескими послами подробностей католического богослужения отразили византийские и древнерусские представления о вере латинян, зафиксированные в антилатинских сочинениях патр. Фотия Константинопольского, патр. Петра Антиохийского, преп. Никиты Стифата, преп. Феодосия Печерского, митрополита Иоанна Киевского и др. С точки зрения летописца, «повреждение» католицизма в основном выражалось в постовых послаблениях и в службе на опресноках. Последняя осуждалась тогдашними антилатинскими полемистами как уклонение в «жидовство». Считалось, что в квасном хлебе евхаристии закваска символизировала душу Спасителя. Отсюда, по-видимому, проистекало летописное представление о том, что латинское богослужение, совершаемое на «мертвых», «бездушных» опресноках не имела красоты, т.е. не была освящена полнотой Святого Духа.

В третьей части раздела проанализирован образ хазарских иудеев, характеристики которых представлены в летописи двумя блоками информации: то, что они сами рассказывают Владимиру о себе и то, что о них говорит киевскому князю греческий Философ. В тексте Повести иудеи предстают как «учителя» волжских болгар и латинян. В центре внимания летописца оказывается также тема отвержения евреев за то, что они в свое время не признали Христа Мессией и распяли Его. Акцент летописи на указанных двух проблемах, дал повод выдвинуть гипотезу, о том, что на исследуемые фрагменты оказало влияние толкование свят. Иоанна Златоуста на восьмой псалом, в котором указанные темы затрагивались в связи с размышлениями о причинах иудейского рассеяния.

Таким образом, отказ иудеям князя Владимира являлся одновременно повторным отречением от болгарской и латинской веры, поскольку эти учения частично переняли учение иудеев, и их, по аналогии с евреями, должна была настичь Божья кара. Тем не менее, информация, которую доносят иудеи киевскому князю, явилась необходимой ступенью к раскрытию последующей

темы, которая будет звучать в Речи Философа: познание, кто есть Христос, и в чем провинились перед Ним иудеи.

В последней части раздела анализируется композиция летописного рассказа о выборе веры. Летописец выстраивал образы вероучений мусульман, католиков и иудеев, исходя из условно задаваемых вопросов: 1) в кого веруют (об этом свидетельствуют миссионеры); 2) каков их закон (эта информация содержится в речи послов и в речи Философа); 3) какова их служба (на этот вопрос отвечают послы Владимира).

Нами было обнаружено, что, отвечая на первый вопрос, летописец выстраивает речь проповедников так, что в фокусе внимания читателя оказывается информация о Боге-отце. Мусульмане говорят Владимиру о едином Боге, латиняне вносят уточнение, что это тот Бог, который сотворил все сущее, а иудеи, как «учителя» предыдущих проповедников, отсылают к источнику этих представлений – Священному Писанию, уточняя, что речь идет о Боге Авраама, Исаака и Иакова. В речи же Философа идея о Боге окончательно оформляется как идея о Боге-Отце, ипостаси Святой Троицы.

Отвечая на второй вопрос, создатель летописи делает акцент на сведениях о Боге-Сыне, что подтверждают затронутые в летописи проблемы винопития (у мусульман) и опресноков (у латинян), которые отсылают нас к теме вина и хлеба евхаристии, то есть, к Крови и Телу Христовым.

Центром рассуждений летописца на последний вопрос явилась информация о Святом Духе. Так, согласно летописцу, служба мусульман представляла беснование; латинская служба не имела «красоты», благодати Святого Духа, то есть была, по сути, метафизически пуста; службу евреев невозможно увидеть, поскольку единственное место, где она могла совершаться (Иерусалим), «отдано христианам». Греческая же служба – это место подлинного служения Богу в Святом Духе.

Таким образом, есть основания предположить, что в структуру композиции Сказания летописец заложил идею триадности Святой Троицы, подчиняя этой теме и смысловое наполнение летописного нарратива. А

последовательность, в которой миссионеры знакомили князя Владимира со своим учением, являла собой своеобразные ступени восхождения к истинному богопознанию.

В третьем разделе второй главы «Эсхатологические образы иноверцев в статье 6604» был подвергнут разбору фрагмент летописи, в котором создатель Повести возвел половцев, печенегов, торков и «тортьмен» к потомкам Измаила, некогда изгнанным Гедеоном в Етривскую пустыню, и отождествил их с «измаильтянами» «Откровения» Мефодия Патарского, нашествие которых должно было совершиться в начале «последних времен». В свою очередь болгар и хвалис летописец отнес к Аммону и Моаву (сыновьям Лота от кровосмесительной связи с дочерьми), упомянув при этом и об измаилитском происхождении сарацин, по его мнению, ложно выдающих себя за сыновей Сары. В завершении книжник пересказал сведения о живущих на далеком севере за высокими горами людях и признал в них «заклепанные» Александром Македонским «нечистые языки» «Гог» и «Магог», которым также следовало согласно пророчеству еп. Мефодия в свое время появиться на арене эсхатологических событий.

Анализ исследуемого фрагмента позволил установить прямые или косвенные следы влияния на летопись следующих источников: 78 и 82 псалмов, «Откровения» Мефодия Патарского, «Сказания о Христе и антихристе» Ипполита Римского, «Слова на пришествие Господне» св. Ефрема Сирина, «О ста ересях» Иоанна Дамаскина. Изучение так называемой памяти контекста приведенных в статье цитат и реминисценций показало, что летописец, похоже, полагал, что измаильтяне-тюрки придут и будут сметены, согласно «Слову» Мефодия Патарского, а потомки Лота болгары и хвалисы пребудут до пришествия антихриста, чтобы занять активную позицию на стороне последнего. По-видимому, создатель летописи переживал свое время как близкое к «кончине века», и, опираясь на значимые для него явления и авторитетные источники, попытался определить место и роль Руси-«Израиля» и его соседей в настоящих и будущих событиях «последних времен».

В заключении подводятся итоги исследования. В ходе исследования нами было определено, что структура образов иноверцев, на которую опирался летописец, в общих чертах зиждилась на двух базисных вопросах: кто такие иноверцы и в чем состояло их провиденциальное предназначение.

Если на первый вопрос летописец отвечал, исходя из установки о том, что иноверие – это явление, воспроизводящее прежде существовавшие мировоззрения, то, касательно летописной оценки функциональности иноверцев и иноверия, мы сталкиваемся с идеями, которые можно было бы назвать амбивалентными. Летописец, выстраивая образы иноверцев, руководствовался той мыслью, что и они, несмотря на их отвержение Богом, могли служить орудием воли Всевышнего, и выполнять в том или ином случае полезную роль по отношению к христианам.

Однако летописца, как следует из Повести, интересовало не только предназначение иноверцев в прошлом и настоящем Руси, но и в ее будущем. Его мысль простиралась в эсхатологические перспективы «последних времен», близость которых он «прозревал» в событиях современности. Опираясь на византийскую апокалиптическую литературу, автор летописи распределил роли в сюжете «кончины времен» между известными ему тюркскими язычниками и мусульманами. Адекватное понимание летописных образов иноверцев невозможно без уяснения ключевых концептов, лежавших в основе выстраиваемого автором Повести аутообраза Руси. Особенность структуры и содержания отображения иноверия заключалось в том, что оно всегда выстраивалось с оглядкой на значимые идеи древнерусской самоидентификации, к которым относились представления о богоизбранности «христианских стран» и, в частности, Руси, о соотнесении Руси с «Новым Израилем» и Киева с «Новым Иерусалимом», и о противопоставлении христианства любого рода иноверию, как истинного богоблагодатного учения – учению ложному, возникшему по наущению дьявола.

Анализ, предпринятый в данной работе, намечает дальнейшие перспективы исследования, поскольку круг рассмотренных в диссертации

сюжетов далеко не исчерпывает всего комплекса летописных свидетельств, репрезентирующих отношение древнерусского книжника к иноверию и иноверцам. Добавим также, что предложенные в настоящем исследовании выводы о семантике летописных образов иноверцев лишь намечают исследовательские пути как для дальнейшего обнаружения источников тех или иных представлений, отображенных в летописи, так и для их истолкования.

Положения, выносимые на защиту:

1.0. Анализ образов иноверия позволил выявить присущие сознанию древнерусских книжников психологические установки, стереотипные представления, предрассудки и индивидуальные особенности восприятия, которые оказали влияние на специфику отбираемой для повествования информации и изобразительных средств.

2.0. В основе восприятия иноверия/иноверцев лежали провиденциальные идеи, свойственные создателям Повести временных лет, согласно которым, роль этноса в мировой истории была обусловлена присущим ему вероисповеданием.

3.0. Составители ПВЛ воспринимали славянский политеизм негативно: образ язычника характеризовался как образ «чужого», «чуждого» и «враждебного». Тем не менее, языческое славянство не представлялось летописцам однородным, в его среде обнаруживались «свои» язычники – поляне, положительно охарактеризованные в ПВЛ по причине их значимой роли в будущей христианизации Руси.

3.1. По мнению летописца, славянскому язычеству было присуще эволюционное развитие, вершиной которого являлось обожествление земного правителя. Эта точка зрения выразилась в описании языческого пантеона, установленного Владимиром Святославичем, где идол Перуна имел облик, схожий с внешностью киевского князя.

3.2. Отказ от язычества и принятие крещения Киевской Русью воспринимались летописцем как духовная победа христианства над силами

тьмы, властвовавшими над «погаными» восточнославянскими племенами. Благодаря корсунским истокам русского крещения, поражение демона, представлялось итогом молитвенной помощи крымских святых. В летописи конец язычества и изгнание дьявола символизировала казнь идола Перуна, где каждый из этапов экзекуции напоминал тот или иной вид мучений, которым подверглись в свое время крымские святые от рук язычников.

4.0. Образы тюркского и славянского язычеств имели схожие характеристики и оценивались по одинаковым критериям. Однако, с точки зрения летописца, восточнославянские племена, несмотря на негативную оценку их языческого прошлого, были предопределены к спасению в будущем, тогда как тюркские племена выполняли функцию «батога Божьего» и им было суждено погибнуть.

5.0. Летописные образы ислама, католицизма и иудаизма сформировались под влиянием византийской историко-богословской традиции отображения этих вероучений.

5.1. По мнению летописца, ислам представлял собой синкретическое вероучение, вобравшее в себя черты, присущие иудаизму и язычеству. В целом, в летописи прослеживается негативная установка по отношению к мусульманам. Тем не менее, в ПВЛ подчеркивается важная роль исламской миссии в Сказании об испытании вер, с приходом которой начался отход киевского князя Владимира от язычества и поиски новой религиозной идентификации.

5.2. Католицизм в летописи отображен как христианская конфессия, чье вероучение подверглось порче под влиянием иудаизма. Несмотря на критику латинских традиций и обрядов, характер оценки указанного вероучения можно считать относительно нейтральным.

5.3. Иудаизм в Повести временных лет представлен как вероучение, пребывающее в состоянии стагнации. Некогда иудеи отвергли и распяли Христа, за что, будучи наказаны Богом, лишились своей земли и были

обречены жить в рассеянии. Они - «совратители» мусульман и католиков, из-за чего последним также угрожает Божья кара.

5.4. Несмотря на критическую или негативную оценку указанных монотеистических вероисповеданий, летописец склонен был видеть в приходе к князю Владимиру мусульманских, латинских и иудейских миссионеров проявление Божественного промысла, поскольку их проповедь содержала важные сведения, помогшие киевскому князю положительно воспринять христианское вероучение.

6.0. Создателям летописи были присущи напряженные эсхатологические ожидания, подкрепляемые бытовавшей в Древней Руси апокалиптической литературой. Через обращение к ней летописец стремился определить свое время в эсхатологической темпоральности и обозначить роль Древней Руси и ее иноверных соседей в событиях «кончины времен».

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

- 1. Дорошенко (Андрейчева) М.Ю. Ветхозаветная топонимика в статье 6604 (1096) года в Повести временных лет // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 18. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 370-382. (0,7 п.л.)¹⁸**
- 2. Андрейчева М.Ю. Мусульмане, католики и иудеи в летописном рассказе о выборе веры князем Владимиром: образы и смыслы // Одиссей. Человек в истории. 2014: Imitatio Christi в религиозной культуре Средневековья и раннего Нового времени. М.: Наука, 2015. С. 402-440. (2,3 п.л.) (На момент выхода статьи журнал входил в перечень ВАК)**
- 3. Андрейчева М.Ю. Сюжет изгнания Перуна в статье 6496 г. Повести временных лет // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (65). М.: Индрик, 2016. С. 95-110. (1,6 п.л.)**
- 4. Андрейчева М.Ю. Религиозная имагология: предмет и задачи нового историко-имагологического направления // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 11. Ч. 2. С. 37-40. (0,4 п.л.)**

¹⁸ Жирным шрифтом выделены статьи, опубликованные в рецензируемых изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

5. **Андрейчева М.Ю.** «Этнографическое» описание восточных славян в космографическом введении Повести временных лет // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 58. М., 2017. (1,8 п.л.) (в печати)
6. *Андрейчева М.Ю.* К проблеме истолкования образа Перуна в статье 6488 Повести временных лет // Ретроспективная информация источников: образы и реальность. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 65-73. (0,5 п.л.)
7. *Андрейчева М.Ю.* Поход Владимира Святославовича на Волжских болгар в статье 6493 года ПВЛ: к вопросу о семантике сюжета // Люди и тексты. Исторический альманах. 2012. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 102-117. (0,65 п.л.)
8. *Андрейчева М.Ю.* Корсуньский «сценарий» изгнания Перуна в Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье. Язычество и монотеизм в процессах политогенеза. XXVI Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто. Москва, 16-18 апреля 2014 г. Материалы конференции. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 8-13. (0,25 п.л.)